

ВСЕ ЗАНЯТЫ своим делом. Медленно тянут повозку, груженную яблоками, послушные волю. Беззаботно играет огонь под большим котлом, а из котла уже вырываются облака пара: вода закипела. Мужчина свежует тушу. Рядом, прямо на траве, готовятся к пиршеству. Женщина с детьми собирает святающиеся виноградные грозди. Двое парней, засучив штаны, босыми ногами давят ягоды, и огромные пустые куври — остроконечные глиняные кувшины — жадно ждут нового урожая. Работа и праздник тесно переплелись, одно неотделимо от другого. Таким увидел сбор винограда Нико Пироманашвили, или Пиромани, как прозвали его в России.

Художник-самоучка, человек одинокий и неудачливый во многих практических начинаниях, он сохранил чудесное свойство радоваться жизни, впитывать гармонию и красоту мира. В его картине «Охотник» огромный красавец — олень простодушно не обращает внимания на маленького хитрого охотника. Человек уже выстрелил, над ружьем вьет легкий дымок, но олень спокоен. У художника своя логика: животное так органично вписывается в пейзаж, является такой неотъемлемой частью мира, что его смерть кажется невозможной, словно природа без оленя лишится чего-то очень важного.

Пожалуй, такой неотъемлемой частью старого Тифлиса был и сам Пиромани. Родом он из Кахети (область в Восточной Грузии), но почти всю жизнь, начиная с восьмилетнего возраста, прожил в Тбилиси. Пару раз пробовал зарабатывать деньги «как люди»: служил тормозным кондуктором на товарных поездах, держал молочную лавку. Но ни к чему, кроме живописи, видно, не лежала его душа: с железной дороги его уволили, выплатив небольшое пособие, а купленная на эти деньги лавка и вовсе разорилась.

«Торговать ему было лень, — вспоминал позже его компаньон по лавке Ди-

митра Алугишвили, — да и унижительной он находил для себя торговлю. Летом, в самый разгар торговли, он оставлял меня, покупал две охапки зеленой травы, подымал их на чердак лавки, в свой закуток, рассыпал траву и катался по ней:

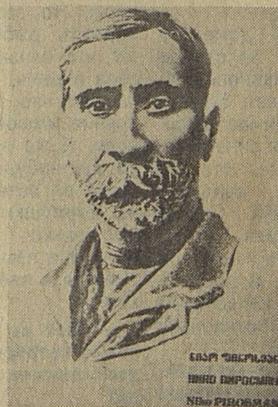
— В деревню ездить я не могу, поэтому хоть этим потешу себя».

На самом деле он был насквозь городским человеком и сросся с маленькими тифлискими улочками, с людными духанами на каждом шагу и темными холод-

городу искать художника. Он нашел Пиромани измученного после бессонной ночи, завел его в духан и запер снаружи на замок.

Три дня проработал Нико взаперти, пока не разрисовал все углы. Еду ему просовывали в окно, словно арестанту.

В народе о нем говорили: «ангел сидел у него в кисти, такого художника в нашем городе не было и не будет». И хотя весь город был увешан клеенками Пиромани и вывесками, грузинские профессиональ-

ВЫСТАВКИ

СКАЗКИ СТАРОГО ТИФЛИСА

ными подвалами, где он жил и в полном одиночестве умер. В конце прошлого и начале нынешнего века не было в Тифлисе, наверно, духана без его вывески или росписи. Платили ему мало — когда дадут несколько рублей, когда просто покормят, хотя и сам художник, и многие его заказчики понимали, что эти работы стоят большего.

ОДНАЖДЫ Пиромани уговорился расписать все стены в новом духане, но не пришел. Хозяин не хотел открывать заведение без его росписей и поехал по

ные художники его не замечали. Чтобы «открыть» художника, нужен был свежий взгляд постороннего человека.

Им оказался Мишель Ле-Дантю, потомок французских эмигрантов, студент Петербургской академии художеств. Его пригласили в Тифлис братья Кирилл и Илья Зданевичи (один — писатель, другой — художник). В книге Кирилла Зданевича «Нико Пироманашвили» подробно рассказано, как сам он, Илья и Мишель обратили внимание на вывеску трактирного заведения «Варяг». Войдя в трактир, они обомлели — на стенах висели картины, подобные которым они никогда не встречали.

— Да, Нико Пиромани — это современный грузинский Джотто! — крикнул Ле-Дантю, и молодые люди отправились на розыски необыкновенного художника.

Они застали Пиромани за работой: он писал вывеску «Молочная». «Эта встреча запомнилась мне, — рассказал в своей книге Кирилл Зданевич, — у белой стены стоял художник в рваном черном пиджаке и мягкой фетровой шляпе, высокого роста, спокойный и независимый, но с некоторой затаенной горечью в обращении...».

На вопрос, почему «большой город Тбилиси не знает его», Пиромани ответил:

— Чтобы видеть, нужно иметь глаза, не затуманенные предрассудками, и еще кое-что — вы меня понимаете?

«Открытие» Пиромани произошло в 1912 году. В 1916-м им заинтересовалось Общество грузинских художников. Пиромани пригласили на одно из заседаний общества. Он просидел молча, а потом обратился к художникам с проникновенными словами:

— Так вот, братья, знаете что, мы обязательно должны построить большой дере-

вянный дом в сердце города, чтобы всем было близко, построим большой дом, чтобы собираться вместе, купим большой самовар, будем пить чай и говорить об искусстве. Но вы этого не хотите, вы совсем о другом говорите, — вспоминал об этом дне один из членов Общества Ладо Гудиашвили.

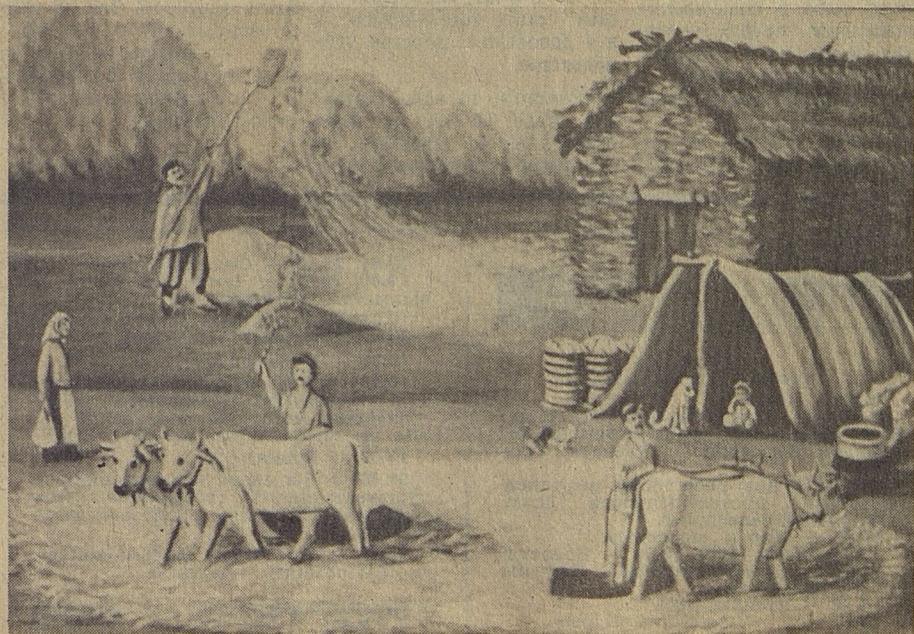
БОЛЬШЕ Пиромани на заседаниях не бывал. Позже, когда общество постановило оказать материальную поддержку нуждающимся художникам, Гудиашвили поручили отнести 200 рублей Пиромани. Нико жил в подвале, под лестницей, отыскать его было непросто. Гостю он обрадовался, хотел чем-нибудь угостить, но, кроме воды и черствого хлеба, ничего не нашлось...

Через год общество снова поручило Гудиашвили передать Пиромани денежную помощь — 300 рублей. Но найти Нико не смогли — денег он так и не получил...

Ладо Гудиашвили не один раз возвращался в воспоминаниях к трагической судьбе Пиромани, писал по памяти его портреты, композицию «Смерть Пиромани», где одинокий, больной художник сидит на полу с кистью в руках, посреди страшного хаоса своего жалкого подвального жилища.

Да, в жизни Пиромани было мало радости, но он умел ценить то, мимо чего проходят невнимательные, духовно незрячие люди. Его глаз видел душу человека и зверя. Как никто он умел передать торжественное значение застолья как важного, освященного веками ритуала. А его румянобокие груши, отливающие таинственным светом грозди винограда, подвешенные за жабры серебристые рыбины, желто-красные кусочки шашлыка на шампуре! Они висели на стенах духанов, над входами в лавки, завлекая и зазывая, говоря о радостях бытия. Обыденные занятия — охота, сбор урожая, застолье в виноградной беседке приобретали какой-то новый смысл на черных клеенках художника, становились панорамой жизни грузинского народа.

С. НОВИКОВА.

Московский Иллюстрационный музей
г. Москва
5 СЕН 1986

207